

Сергей ВОЛКОВ

В ПОСЛЕДНЕМ РЯДУ

* * *

Как в последнем ряду кинотеатра,
Как на заднем сиденье такси —
Я теперь ради этого кадра
Все отдам, даже больше проси.

В панорамном сплошные новинки,
Ретрофильмы одни в «Спартаке»,
К волосам приставали снежинки,
И рука отдавалась руке.

И проходу беда не давала,
И тоска разливала вино
В нашей школе по классу провала,
В неоконченном, в общем, кино.

Как на Кирочной мы целовались
Посреди черно-белой зимы,
И расстались потом, и остались,
И уже не прощаемся мы.

* * *

Острова растворяются в дымке,
Там, вдали, за последней волной
Недоборы мои, недоимки
Стали тонкой полоской одной.

Замерев на трагической ноте,
Обрывается чайкою крик,

Но шатается ночью в блокноте
Ветер с моря зачитанных книг.

И когда я однажды отчалою,
Ты останешься вдруг неправа,
И омоются поздней печалью,
Как соринка в глазу, острова.

* * *

А было то в Великих Луках,
Когда вокзальный спал буфет, —
На лавке я в похмельных муках
Томился и сходил на нет.
Под головой был толстый свитер —
Наследство деда и отца.
А поезда летели в Питер
Всю ночь до самого конца.
Но в дверь вошел Степанов Саша,
Имевший дело до меня:
«Не спи, Серега, радость наша,
Все отсырело — дай огня!»
Он был запойным и поэтом,
В любви несчастливым давно,
Но мне билет купил с рассветом
Из денег, бывших на вино,
Чтоб снова я прирос дорогой,
Садами белыми в цвету,
И ветром в тамбуре, и строгой
Звездой, набравшей высоту,
Чтобы навстречу из туманов
Летели черные поля...
Спи, как убитый, брат Степанов,
Прощай — вокруг твоя земля.

* * *

Не коснулся Онеги твоей и Оби,
Неприкамлен тобой, неприволжен, —
Как не любишь меня, так и впредь не люби,
Только я тебе, Родина, должен:
Лишь под небом твоим не сносил головы,
Пил в парадной, курил у помойки
И бродил надо льдом коченевшей Невы,
И с друзьями прощался на Мойке.

* * *

С остановки трамвая ночного,
Если только не сбиться с пути,
До огней теплохода речного
Можно с камнем на шее дойти.
Или долго, классически просто,
Просто так простоять над рекой,
Если есть под рукой папираса
И гранит под другою рукой.
И душе было некуда деться,
И она по течению дней
Все плыла по-собачьи, по-детски,
И мосты расходились над ней.

* * *

Ничего, что ольха облетела
На пороге густеющих дней
И что было не каждому дело
До листвы, прошумевшей на ней.
Дал мне Бог непросохшее поле
И ладоней твоих забытье.
И душе пропадающей, Оля,
Дал я горькое имя твое.

